

Сергей Любимов

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
GEORGI M. DERLUGUIAN. BOURDIEU'S SECRET ADMIRER
IN THE CAUCASUS. A WORLD-SYSTEM BIOGRAPHY. 2005.
The University of Chicago Press. Chicago and London**

Книга Георгия Дерлугьяна «Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе»¹ – пример интересного социологического анализа советского государства и общества с акцентом на кризисных процессах конца 1980-х – первой половины 1990-х. Как говорит название книги, эти кризисные процессы обсуждаются на эмпирическом материале отдельной биографии (прежде всего в категориях социологии П. Бурдьё²), тогда как объяснения возможного и невозможного в этой биографии большей частью основываются на понятиях и аргументах из миросистемного подхода Э. Валлерстайна. Анализ, предложенный Дерлугьяном еще в 2005 г., актуален, так как системно демонстрирует, что в целом ряде измерений кризис советского государства и общества тридцатилетней давности до сих пор не решен. Кроме того, ситуация поворотных глобальных политических трансформаций последних нескольких лет толкает как к более подробному изучению причинности этого долгосрочного кризиса, так и к критическому рассмотрению тех альтернатив, которые представляются в доминирующем знании в качестве готовых и бесспорных. Ниже изложены основные аргументы книги.

Предмет исследования Дерлугьяна – общественное устройство советских социалистических республик и автономных советских социалистических республик на Кавказе в период перестройки и в первое десятилетие после распада СССР. Носитель биографии, отсылками к которой автор объясняет артикуляцию логики мировой системы в исследуемом регионе, – Муса Шаниб (в советский период – Юрий Шанибов). Его случай социализации Дерлугьян находит во

многим типичным для творческой части интеллигенции Советского Союза. В региональном контексте он сопоставляет этот случай с биографией чеченского поэта, а после 1989 г. политика, Зелимхана Яндарбиева. Шаниб – сначала районный прокурор, а позднее преподаватель и организатор самоуправления в периферийном кавказском университете (г. Нальчик, столица Кабардино-Балкарии). В 1960-е он с энтузиазмом занят институционализацией идей «социализма с человеческим лицом». В 1970-е попадает во внутреннюю эмиграцию, наказанный за свои реформистские инициативы старшими коллегами в университете (т.е. консервативно настроенной частью номенклатуры) с помощью КГБ. В период перестройки он активно участвует в процессах национального строительства на Кавказе, а с 1991 г. возглавляет Конфедерацию горских народов Кавказа.

Ключевое понятие, с помощью которого Дерлугьян работает с эмпирическим контекстом Советского Союза и которое позволяет сопоставлять этот эмпирический контекст с другими способами организации общественной жизни, – девелопменталистское государство (*developmental state*)³. В его аргументации СССР как вариант девелопменталистского государства сопоставляется с националистическими проектами освобождения в рамках мировой системы с целью промышленно догнать страны центра. Периферийные и полупериферийные националистические и социалистические освободительные революции различаются у него по степени экспроприации частной собственности – выборочной национализации или тотальной коллективизации (с. 135). Хотя автор здесь признает, что это грубое различие, с которым нужно работать дальше. Для Дерлугьяна понятие девелопменталистского государства важно, так как оно позволяет рассматривать Советский Союз в горизонте тех возможностей и пределов развития, которые оформляли специфику всех остальных обществ мира в XX в. Одно из ключевых наблюдений, на основании которого Дерлугьян дальше строит работу с понятиями, заключается в том, что основной чертой СССР как девелопменталистского государства была практически универсальная быстрая и массовая пролетаризация населения.

Индустриализация, запущенная большевиками, имела ярко выраженный военный характер. В результате массового насилия с 1905 до 1950 г. стратификация советского общества была сведена к существованию полузакрытой касты кадровой бюрократии и пролетариата, полностью зависимого от трудоустройства на зарплату. Большевики у Дерлугьяна – это «харизматическая бюрократия», отказывающаяся видеть разницу между «утопией» и «развитием» (с. 133). Кроме номенклатуры и фабричного пролетариата автор выделяет превращенных в пролетариат специалистов и интеллигенцию, а также субпролетариат, функционирующий в серой зоне экономики – от неформальных сельского хозяйства и строительства до контрабанды (с. 137–154). Основное различие между номенклатурой и пролетариатом видится в полной зависимости последнего от зарплат

и от услуг социального государства. В этом свете, в аргументации Дерлугьяна, практически все интеллектуальные работники в СССР были пролетариатом, за исключением лишь международно известных, а также представителей богемы. А эти группы существовали лишь в крупных городах, таких как Москва и Ленинград, а также, в меньшей степени, в некоторых столицах союзных республик. В г. Нальчике, где реализовывалась биография Шаниба, интеллектуальные работники были практически полностью пролетаризированы и лишены автономии.

С такой перспективы процесс десталинизации как этап становления девелопменталистского государства резонировал с двумя взаимосвязанными процессами – массовой бюрократизацией и созданием городского общества. В этом свете сложившуюся с 1950-х ситуацию Дерлугьян называет коллективной победой бюрократии над произвольным террором сталинского режима (с. 87). Однако больше места он отводит анализу 1970-х как момента формирования трех основных факторов, составляющих структурную причинность кризиса советского девелопменталистского государства в контексте мировой системы (с. 118–124). Во-первых, это геополитическая ноша Советского Союза как мировой державы. Здесь речь идет о гонке вооружений. В отличие от США Советский Союз не имел инструментов балансирования этой статьи расходов проектами в духе государственно-частного партнерства, а также использованием результатов военных разработок для повышения комфорта гражданской повседневной жизни. Во-вторых, это предел пролетаризации, т.е. исчерпание легко манипулируемой и дисциплинируемой рабочей силы. Дерлугьян показывает, что триумфом советского рабочего класса было не завоевание прав или лучших условий работы, а скрытое саботирование и меньшая производительность вместе с увеличением потребления в результате роста импорта за нефtedоллары. В-третьих, это «окукливание» советской номенклатуры в результате отказа от сталинского террористического метода управления, а также в результате автономизации элит отдельных отраслей и географических единиц. Эти факторы делали бюрократическую неэффективность приемлемой и неисправимой, а реформирование советского государства невозможным.

В результате изоморфные советские институции и иерархии в определенный исторический момент (при взаимодействии всех трех факторов) создали изоморфные аспирации, фрустрации и конфликты (с. 157). А упрощенный выход из этой комплексной ситуации чаще всего сводился к решению, проект которого практически полностью оформился еще в 1960-е: меньше контроля, больше самоуправления. Здесь Дерлугьян, следуя Бурдые, пишет, что в ситуации кризиса группы способны лишь на ограниченное историческое мышление (видение будущего) и, таким образом, полагаются на свое накопленное интуитивное знание, т.е. габитус. Именно в этих комплексных социальных условиях Горбачев и его группа из номенклатурных реформистов в результате перестройки пытались интегрировать Советский Союз в центр мировой системы. Аргумент Дерлугьяна

заключается в том, что, обладая статусом полупериферий в контексте Советского Союза, в 1990-е большинство территорий Советского Союза (за исключением балтийских государств и крупных городов) приобрело статус периферий (с. 220–221). Биографическое исследование автора, сопоставленное с реконструированным им макроконтекстом, должно позволить выявить социальные траектории, доступные представителям разных групп в Чечне, Абхазии, Кабардино-Балкарии, Грузии и т.д. в период превращения этих территорий в периферийные в контексте мировой системы.

Выделяемые Дерлугьяном три варианта ответа на таким образом произведенный кризис – реставрация, реформы и конфликт. Первый вариант – это случай Кабардино-Балкарии, среды социализации Мусы Шаниба. Он характеризуется сохранением номенклатурой контроля над властным полем благодаря слабости гражданского общества, т.е. недостаточно интенсивным социальным сетям, а также благодаря эффективно пролетаризированному населению. Второй вариант – это балтийские республики, успешные примеры построения такого сильного гражданского общества на местах, которое не дало государству распасться в период трансформаций. Эта модель характеризуется тем, что процесс оппозиционной мобилизации контролировался в первую очередь интегрированными во властное поле национальными интеллектуалами с большим социальным капиталом. Однако больше всего внимания Дерлугьян уделяет последнему варианту – конфликту, ключевой характеристикой которого была массовая мобилизация и проникновение во властное поле субпролетариата. Появление нового игрока в поле, которое до этого контролировалось номенклатурой, стало возможным в результате успешно брошенного вызова номенклатуре со стороны богемных (т.е. непролетаризированных) интеллектуалов. Типичный пример такой позиции богемного национального интеллектуала – это биография первого президента Грузии Звиада Гамсахурдии.

Рассмотрение Дерлугьяном структурно заданных специфическими результатами пролетаризации возможных ролей в интеллектуальном поле в процессе национализации, безусловно, интересно. Хотя следует отметить, что в книге это скорее схема для анализа, а не законченная классификация, систематизирующая процессы во всех бывших республиках СССР. Габитус национальных интеллектуалов формировался, с одной стороны, в контексте традиции досоветского гражданского общества (в балтийских республиках, кавказских республиках, в Молдове и Западной Украине), а с другой стороны, в контексте республиканских институций, созданных большевиками еще во время Гражданской войны как инструментов управления для лояльных нерусских элит на периферии Советского Союза. При этом успешные национальные культурные движения в советских республиках очевидно опирались не столько на богему и культурных производителей в таких сферах, как театр, музыка, литература, танец, фильм, исследования и т.д., сколько на значительно выросшую в результате массового

образования их аудиторию (с. 98). Дерлугьян показывает, что территориальная номенклатура⁴ в советских республиках в конце 1980-х скрыто поддерживала национальные движения, чтобы просить у Москвы больше власти и ресурсов для сдерживания этих движений. Однако при ослаблении центра и уменьшении потока ресурсов из центра раскол «гражданское общество – номенклатура», во всяком случае на Кавказе, чаще всего сменялся расколом между соседними регионами или этническими группами.

Автор исходит из того, что культурные производители, как правило, находились на периферии властной системы координат и, таким образом, мало участвовали в поддержании status quo. Это означало, что бросить вызов данному status quo представляло для них возможность улучшить свою позицию в собственном профессиональном поле, а также улучшить позицию всего своего профессионального поля. Создание национального дискурса, в его аргументации, как раз было инструментом для бросания такого рода иконоборческих вызовов. Характерный пример для Дерлугьяна здесь – начало конфликта в Нагорном Карабахе, когда обмен открытыми письмами армянских и азербайджанских интеллектуалов (первое письмо о возвращении Нагорного Карабаха Армении было написано в 1987 г.) переформатировал интеллектуальное поле таким образом, что его участники начали соревноваться в радикализме попыток массовой этнической мобилизации на материале данной темы. Нерешительность первых секретарей в обеих республиках, пытавшихся до последнего не привлекать к себе внимания Москвы, сделала этот процесс еще более драматичным (с. 189–190).

В этих случаях номенклатура выпустила власть из своих рук, а умеренные, ориентированные на гражданское общество интеллектуалы не сумели создать и удержать в рабочем состоянии критическую массу связей с подобными себе индивидами и инициативами в своих и других республиках СССР. В результате, как пишет автор, центральную символическую позицию заняли богемные интеллектуалы, такие как Гамсахурдия, с меньшим запасом социального капитала, с меньшими организационными ресурсами и, в результате, еще более радикально оспаривающие status quo. Их тактикой стала мобилизация и попытка управления группами субпролетариев. Интересно, что Дерлугьян объясняет этот провал построения сильного гражданского общества в кавказских советских республиках социальной дистанцией активистов на местах от дискуссий и ключевых фигур в Москве, в том числе в результате спектаклизации этих дискуссий – трансляций многочисленных выступлений таких оппозиционных лидеров, как Сахаров, Афанасьев или Ельцин, по телевидению.

Наиболее драматичный, катастрофический чеченский сценарий автор объясняет промышленными и культурными эффектами массовой депортации чеченцев Сталиным в 1944 г.

С одной стороны, в период быстрой индустриализации в 1950-е основную часть квалифицированных рабочих мест заняли представители других этниче-

ских групп (прежде всего, русские) – к 1989 г. в Грозном этнических чеченцев было меньше 20%. В результате вернувшиеся из депортации чеченцы были значительно ограничены в возможностях социальной мобильности и, таким образом, либо выполняли неквалифицированную работу в сельской местности, либо были вынуждены заниматься маятниковой трудовой миграцией. Дерлугьян замечает, что уже в 1990-е гг. специфика и накопленные культурные инструменты организации временно мигрирующей с целью заработка мужской группы оказались очень полезны в процессе организации военной герильи. Последний аргумент опять же интересен как гипотеза, однако автор не разворачивает его подробно в эмпирическом плане и не насыщает его социологическими понятиями. Хотя в разных местах книги он обсуждает и объясняет факты биографии сельского субпролетария Шамиля Басаева, а подход Бурдые открыл бы в этом плане много интересных перспектив.

С другой стороны, пишет автор, травма депортации чеченцев оказалась слишком сильной, чтобы не отреагировать массовыми протестами и мобилизацией на введенное Ельциным военное положение после объявления независимости только что избранным президентом Дудаевым. Дерлугьян пытается показать, что эта реакция была выгодна именно лидерам, опирающимся на субпролетариат, т.е. на чеченцев, структурно лишенных возможности социальной мобильности, а не на номенклатуру, либо пролетаризированных работников. К таким лидерам он причисляет и самого Дудаева. Каждый новый виток войны только вымывал из страны те социальные группы, которые в других кавказских республиках и автономиях стали ресурсом их мирного превращения в новые периферии в результате кризиса советского девелопменталистского государства. Анализируя биографию кабардинского интеллектуала-диссидента Мусы Шаниба, Дерлугьян как раз дает ответ на вопрос, почему сценарии разворачивания кризиса девелопменталистского государства в Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных советских социалистических республиках были такими разными. В краткой форме ответ таков: в отличие от чеченцев кабардинцы сами были хорошо интегрированы в номенклатуру и местные властные сети, пролетаризированы, а также не были травмированы депортацией. Такая травма была у балкарцев, однако их в Кабардино-Балкарской республике было меньшинство.

В целом анализ, представленный в книге Георгия Дерлугьяна, в первую очередь вдохновляет методом, использованными понятиями и большой исторической призмой для интерпретируемых явлений. А также тем, что, как чаще всего замечают читатели его книги, Дерлугьян дает необходимые понятийные инструменты для классового социального анализа этнических отношений (в первую очередь конфликтов) в других бывших республиках Советского Союза. При этом следует отметить, что многие элементы авторской аргументации провоцируют более микроскопичный социологический разбор. Кроме того, с сегодняшней перспективы можно говорить, что больший вес в объяснительной модели ав-

тора могли бы иметь существующие результаты журналистских расследований о стратегическом участии метрополии в процессе превращения разных ССР и АССР в периферии, в том числе с учетом определенного трагического изоморфизма в биографиях лидеров народных фронтов советских республик. Автор кратко поднимает этот вопрос, когда описывает процесс учреждения Конфедерации горских народов Кавказа, но не принимает всерьез, приравнивает к мышлению в духе теории заговора, при том что фактор такого участия вовсе не должен рассматриваться аналогично заговору. Агентность Москвы структурно учитывается автором, как правило, лишь в период до распада СССР и, в большей степени, в качестве источника материальных ресурсов и управленческих кадров.

Примечания

- ¹ Рецензируется оригинальное, англоязычное издание.
- ² Хотя упоминание имени Бурдые в названии в буквальном смысле означает увлеченность носителя анализируемой биографии идеями французского социолога.
- ³ Случай модернизации, где процесс развития определяется в первую очередь государством, а не частными игроками.
- ⁴ Говоря о номенклатуре, автор разделяет территориальный и отраслевой контексты со своими классами, социальными структурами и их возможностями в поле власти, а также со своими интересами и мотивациями в процессе «перестройки». Так территориальная номенклатура гораздо более позитивно смотрела на процесс национализации, чем отраслевая.